

Г. А. Волохина,
Е. А. Правда

ДЕНЬГИ НЕ ПАХНУТ

Крылатые латинские выражения — великая сокровищница человеческой мудрости, которая на протяжении многих веков питала интеллектуальную жизнь народов мира. Эти выражения не устаревают и по-прежнему поражают и восхищают глубиной мыслей, четкостью и ясностью понимания явлений человеческой жизни.

Дошедшие до нас изречения имеют разное происхождение. Одни являются плодом коллективного народного творчества. Другие упоминаются в письменных текстах без указания на их источник. Третьи представляют собой слова хорошо известных ученых, писателей, поэтов, сатириков, комедиографов, живших в разные периоды античной истории: Аристофана, Эния, Невия, Плавта, Теренция, Катона Старшего, Луцилия, Цицерона, Сира, Вергилия, Горация, Овидия, Федра, Сенеки, Петрония, Плиния Старшего, Персия, Квинтиана, Ювенала, Светония, Юстиниана.

В латинских изречениях сконцентрированы представления древних о человеческих характерах, любви и ненависти, дружбе и вражде, добре и зле, истине и лжи; о преступлении и наказании, законе и беззаконии, войне и мире; об экономике, политике и многом другом, что касается общественного и личного бытия человека. Однако среди этого разнообразия есть одна тема, разговор на которую в наши дни представляется особенно актуальным. Это тема денег.

* * *

Латинское название денег (*pekunia*) не случайно происходит от слова *pecus* („скот“). В древности функцию эквивалента при обмене выполняли скот, меха, раковины, и лишь позднее для этого стали использоваться монеты.

Казалось бы, роль денег проста: при купле-продаже они перемещаются от покупателя к продавцу в обмен на товар. Но эта простота

кажушаяся. Несмотря на то, что деньги являются понятием неодушевленным, они, как вырвавшийся на свободу джин, живут самостоятельной жизнью. Они усилили имущественное расслоение общества и привели к изменениям в личности самого человека. Это нашло отражение в крылатых латинских изречениях, которые свидетельствуют о том, что античные мудрецы пытались критически осмыслить культ золота, предостерегали современников от пагубных последствий поклонения богатству, искали способы освобождения человека от власти денег.

Появление денег как единицы обмена в товарных отношениях обострило внимание общества к различным — известным и неизвестным ранее — явлениям. Так, было замечено, что по своей сущности деньги не могут быть *мертвым капиталом* (*plutus mortuus*), они должны находиться в обороте, постоянно увеличивая свою массу: *Деньги порождают деньги* (*Nummus nummum parit*); *Без промедления появляется другой золотой* (*Non deficit alter aureus*).

Важной особенностью денег является то, что они всегда одни и те же независимо от источника их получения — а значит, они не «выдадут» и неблагоприятного пути своего приобретения. Хорошо известно выражение *деньги не пахнут* (*pecunia non olet*), употребляемое в отношении сомнительных в моральном отношении сделок. Оно связано с одним историческим анекдотом, который рассказал в своем исследовании «Жизнь двенадцати Цезарей» историк О—II вв. Светоний.

Император Веспасиан обложил налогом общественные туалеты, а сын Веспасиана Тит упрекнул за это отца. Когда поступила первая прибыль от нового налога, Веспасиан взял горсть монет, поднес к носу сына и спросил, не пахнут ли они. «Нет, не пахнут», — ответил Тит. «А ведь это деньги с мочи», — объяснил Веспасиан.

Похожая ситуация описана и Ювеналом. В одной из его «Сатир» отец-римлянин советует сыну заняться торговлей, не брезгуя никаким товаром, поскольку считает, что нет никакой разницы между сырой кожей и духами: «Хорошо ведь прибыли запах будет от вещи любой» (*Lucri bonus est odor ex re quaelibet*).

Деньги способны оказывать на людей разрушительное воздействие: толкать их на безнравственные поступки, культивировать в них дурные наклонности, навязывать стремление к постоянному обогащению любыми способами, в том числе за счет благополучия других. Не зря говорили, что деньги являются возбудителем зол (*irrimenta malorum*), что украшения соблазняют нас, золото и драгоценности прикрывают пороки (*Auferimur cultu; gemmis auroque teruntur crimina*), что есть две причины, которые толкают людей к преступлению, — роскошь и жадность (*Duaeres sunt, quae homines ad maleficium impellunt*).

Стремление к выгоде, жажда получения прибыли порождают такое великое бедствие, как войны. Они в свою очередь открывают новые возможности обогащения за счет побежденных. На это указывал Цицерон, говоря, что деньги являются *нервом войны* (*pecunia nervus belli*). Деньги называли также *нервом вещей* (*nervus rerum*), поскольку понимали, что именно они являются движущей силой, сущностью многих явлений, происходящих в людском сообществе.

* * *

Поэт-сатирик Петроний однажды написал: *Никто никогда ничем не довольствуется* (*Nemini nihil satis est*). Он подметил важную черту человеческой природы, которая открыла возможность деньгам оказывать на человека разрушительное воздействие.

Возможность получить выгоду может привести человека в состояние повышенного возбуждения. Душа человека ликует в предвкушении прибыли, она как бы восклицает: *Привет барышу!* (*Salve lucrum!*). При мысли о наживе у некоторых «текут слюнки». Об этом писал, например, римский поэт-сатирик Персий, употребивший выражение *salva mercurialis* — «меркуриева слюна» (Меркурий — римский бог торговли и прибыли).

Людам свойственно стремление к выгоде, жадность. Юстиниан так описал жадных: *Где нахожу добро, там и присваиваю* (*Ubi rem team invenio, ibi vindico*). При этом ради выгоды человек способен проявить массу ловкости и изобретательности. *Все люди опыты в том, что касается выгоды* (*Omnes homines*

collent ad questum suum), — отмечали древние. Часто люди не гнушаются никакими способами приобретения денег. Не случайно родились выражения: *Тайные дары всегда подозрительны* (*Dona clandestina sunt semper suspiciosa*) и *деньги из необычного источника* (*adventicius pecunia*) — так говорили о не заработанных и не унаследованных, а полученных нечистым путем деньгах.

Большие деньги вызывают желание иметь их еще больше. Это обстоятельство также отражено в латинских изречениях, например: *Чем больше денег, тем они желаннее* (*Crescit amor nummi, quantum ipsa pecunia crescit*). Сенека отмечал, что *тот, кто много имеет, хочет еще больше* (*Qui multum habet, plus cupit*) и что алчная душа не может насытиться никакой прибылью (*Avarus animus nullo satiatur lucro*). О том же говорил и Публий Сир: *Жадного деньги возбуждают, но не насыщают* (*Avarus irritat, non satuat pecunia*). Соглашался с ними и Ювенал, говоря, что *любовь к монете растет соответственно росту самого богатства* (*Crescit amor nummi, quantum ipsa pecunia crescit*). А Гораций отметил, что *жадный всегда нуждается* (*Semper avarus eget*).

Древние мыслители обратили внимание на то, что алчностью могут быть поражены как богатые, так и бедные люди. Например, историк Саллюстий писал об этом следующее: *Жадность не уменьшается ни от богатства, ни от бедности* (*Avaritia neque copia, neque inopia minuitur*). Разумеется, причины алчности могут быть разными: у богатых она возникает от избытка, а у бедных — от недостатка денег.

Алчные люди, говоря словами Публия Сира, *ни к кому не относятся хорошо, а хуже всего — к себе* (*In nullum avarus bonus est, in se pessimus*). Алчность заставляет людей совершать тяжкие преступления, вплоть до убийств. Так, в поэме Вергилия «Энеида» рассказывается, как царь фракийцев, некогда бывший дружественным Трое, убил и ограбил троянца Полидора, который во время Троянской войны привез ему на хранение сокровища троянского царя. Вергилий сурово осуждает этот поступок, объясняя его *проклятой жаждой золота* (*aure sacra fames*):

*Высшее право презрев,
Полидора убил и силой
Золото все захватил.
О, на что только ты не толкаешь
Алчные души людей,
Проклятая золота жажда.*

Античные мыслители считали жадность великим злом (*Magno malo est hominibus avaritia*),

корнем всех несчастий (*Radix malorum est cupiditas*). Поэт Овидий порицал преступную страсть к стяжательству (*amor sceleratus habendi*). Катон Старший утверждал, что алчность соединяет в себе все пороки (*Avaritia omnia vitia habet*). А Плиний Старший в своей „Естественной истории“ писал: *Поразительно видеть, до чего доходит бесстыдство человеческого сердца, влекомого самой ничтожной выгодой (Mirum quo procedat improbitas cordis humani parvula alequo invitata successu).*

Противозаконный, антигуманный характер обогащения был настолько распространен в древнеримском обществе, что законодатели вынуждены были ввести следующую правовую норму: „Справедливость требует, чтобы никто не обогащался незаконно и в ущерб другому лицу“ (*Aequum est neminem eum cum alterius detrimento et injuria fieri locupletioem*). Однако, несмотря на это, в повседневной жизни продолжало происходить стихийное взаимодействие людей и денег и лидировали в нем деньги.

Древние мыслители видели, к каким последствиям может привести алчность. Они замечали, что духовный мир алчного человека оскудевает, потому что все силы он направляет на удовлетворение своего эгоистического

желания. Кто беден? — Алчный! (*Quis pauper? Avarus!*), — говорили в древности. Сенека писал о жадных, что они нуждаются, обладая богатством, а это тяжелейший вид нищеты (*In divitiis inopes, quod genus egestatis gravissimum est*). Он считал также, что жадность — наибольшая бедность (*Maxima egestas avaritia*).

Алчность может принести человеку несчастья, ответственность за которые несет он сам: Алчный сам виновен в своей судьбе (*Avarus ipseuseriae causa est suae*). Поэтому делался закономерный вывод: отсутствие жадности само по себе является благом. Так, Цицерон писал: *Не быть жадным — уже богатство (Non esse cupidum pecunia est)*. Ему вторил Сенека, говоря: *Высшее богатство — отсутствие жадности (Summae opes — inopia cupiditatum)*.

* * *

Человеческое общество издавна было неоднородно. И в античном мире люди делились на богатых и бедных, владеющих большими материальными благами и обездоленных. Богатство играло в этом мире огромную роль. Владельцы богатства являлись хозяевами жизни, а это порождало несправедливый образ правления.

М. ван Роймерсваль

В обществе, в котором мерилом всего являются деньги, складывается искаженная система ценностей. В нем за деньги оказывается возможным приобрести все, в том числе и дружбу. *Богатство находит друзей (Res amicos invenit)*, — гласит латинское изречение. В таком обществе качество человеческой личности определяется не добродетелями человека, а его достатком. *Только богатство приносит почести*, — замечали древние. «Сколько имеешь, настолько тебя и ценят», — констатировал Луцилий. «Грош имеешь, грош и стоишь», — вторил ему Петроний. А поэт Овидий с горечью восклицал: «Ныне в цене лишь цена!»

Богатый человек имеет не только больше возможностей для удовлетворения своих потребностей, но и больше прав. Возникли такие выражения: *довод к кошельку (argumentum ad crumenam)*; *приходить с посеребрянной жалобой (cum argentata quaerimonia accedere)*.

Однако богатство не только дает определенные возможности, но и приносит своему хозяину различные заботы, хлопоты и беспокойства. Известно крылатое латинское выражение: *Где богатство, там и хлопоты (Ubi uber, ibi tuber)*; *Где выгода, там и бремя (Ubi emolumentum, ibi opus)*. У Горация встречаем также утверждение: *С ростом богатства растут и заботы о нем (Crescentem sequitur cura pecuniam)*.

Имущественное неравенство вызывало необходимость брать деньги в долг. Вторгаясь таким образом в человеческие отношения, деньги нередко становились причиной конфликтов, поскольку чужие деньги рано или поздно надо отдавать, а нуждающемуся человеку сделать это нелегко. Кроме того, деньги могут мешать дружеским отношениям. *Кто считает, что он перед тобой в долгу, тот никогда не может быть твоим другом (Qui se non putat satiafacere, amicus esse nullo modo potest)*, — утверждается в латинском изречении.

В Древнем Риме существовало строгое требование возврата долгов. Оно воплотилось в лозунге: *Отдай, что должен! (Redde, quod debes!)*. *Только то наше, что останется после вычета долгов (Id solum nostrum, quod debitis deductis nostrum est)*, — говорили древние.

Зависимость от денег лишает человека свободы. *Я взял деньги и продал власть над собой*, — гласит античное изречение. Человек, не выплативший долга, мог сказать о себе: *Я задолжал душу (Animam debeo)*. Должник рисковал поплатиться не только моральной, но и физической свободой: его могли посадить в тюрьму или долговую яму и даже убить. Не случайно родились выражения: *Отвечает телом тот, кто не может отвечать деньгами (Guit in corpore, qui habet aere)*; *Кто не может расплатиться кошельком, расплачивается собой (Guitur cum persona, qui luere non potest cum crumena)*.

Деньги имеют над человеком большую власть. Понимание этого отразилось в поговорках: *Деньги могут сделать все (Pecunia omnia effici potest)*; *Деньги — сила, а не материя (Pecunia vis est, non est materia)*; *Золото отмывает все (Aurum recludit cuneta)*; *Золото открывает все двери (Auro quaeque janua panditur)*; *Когда говорит золото, другие слова излишни (Auro loquente omnis sermō inanis est)*. При этом сила денег так велика, что ей подвластны даже боги. Об этом говорится в поговорках: *Дарами побеждают даже богов (Muneribus etiam dei vincuntur)*; *Дарами можно умиловить даже богов (Muneribus vel dii capiuntur)*. Народную мудрость использовал Овидий, написавший: *Дары, поверь мне, пленяют и людей, и богов (Munera, crede mihi, capiunt hominesque deosque)*.

Однако человек должен сопротивляться силе денег, он может быть сильнее их; и в античном обществе зрело понимание этого. Поэтому появились утверждения: *Деньгами надо управлять, а не служить им (Pecunia imperare oportet, non servire)*; *Деньги — слуги, если умеешь ими пользоваться, а если не умеешь — господа (Pecunia est ancilla, si scis uti (si nescis, domina)*. Подобную мысль встречаем и у Горация: *Скопленные деньги иному слуги, а иному — хозяйева (Imperat aut servit collecta pecunia cuique)*.

Только тот, кто является хозяином денег, а не их слугой, может себе позволить сказать, подобно одному из персонажей комедии Теренция: *За деньги я надежду не покупаю (Spem pretio non emo)*.

